

АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. С. ПУШКИНА

БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ
УЗБЕКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ТАШКЕНТ

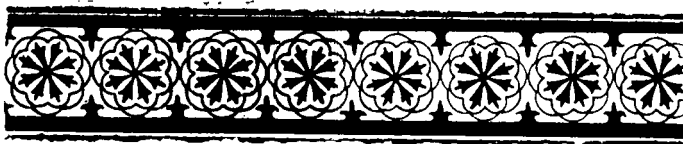
1951

МУЖИМИ
ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

1 9 5 1

МУКИМИ

Муками — выдающийся поэт-демократ второй половины XIX века — занимает важное место в истории узбекской классической литературы. Смело обличая царившую в то время социальную несправедливость эксплуататоров, он с глубокой горечью говорил о тяжелой жизни и бесправии народа. Велики заслуги Муками в области обогащения узбекского литературного языка и развития жанра сатиры и юмора.

Мухаммед Амин-Ходжа Муками родился в 1851 году в гор. Коканде, в семье бедного хлебопека. Ребенком он учился в мектебе, потом продолжал образование в медресе Коканда, Ташкента и Бухары.

До конца своих дней поэт прожил в Коканде, испытывая острую нужду.

Во второй половине XIX века в политической

и экономической жизни Туркестана происходят серьезные перемены. Средняя Азия становится колонией царской России.

Русский царизм стремился держать народы Средней Азии во мраке невежества и отсталости. Русские капиталисты издавна поддерживали торговые связи со Средней Азией, видя в ней хороший рынок для сбыта своих товаров и источник сырья. Они действовали заодно с местными эксплуататорами — крупными феодалами, купцами, фабрикантами и заводчиками, а также представителями реакционного духовенства.

Трудящиеся Средней Азии подвергались двойной эксплуатации. Налоги с каждым годом увеличивались, экономическое положение крестьян и ремесленников резко ухудшалось.

„Господа ташкентцы“, как язвительно окрестил царских колонизаторов М. Е. Салтыков-Щедрин, славились казнокрадством, взяточничеством и пресмыкательством перед более сильными хищниками. Не отставали от них и представители местной власти — мингбаши, илликбаши, казии и аксакалы. В сатирическом стихотворении „Мингбаши“ Мукуми зло высмеял такого взяточника:

Ты, мой мингбаши, „правильно“ живешь —
Без взятки пальцем не пошевелишь,
Ты ласков с тем, кто хорошо одет,
Строг с оборванцем — что с него возьмешь?!

Однако, несмотря на все препоны со стороны царского правительства, трудящиеся узбеки, киргизы, таджики, туркмены и другие местные национальности, после присоединения Средней Азии к России, вступили в тесные взаимоотношения с русским народом. Самый революционный в мире, самый передовой русский пролетариат протянул братскую руку угнетенным народам Востока. Великий русский народ поддерживал национально-освободительные движения народов Средней Азии, их борьбу за свободу.

Узбекские поэты-просветители призывали изучать русский язык, знакомиться с достижениями русской культуры и науки. Под благотворным влиянием русской демократической мысли в узбекской литературе начинают все сильнее проявляться демократические просветительские тенденции.

Такова была обстановка в Средней Азии, когда Мукими выступил на литературную арену со своими острыми сатирами и лирическими стихами. Поэту были понятны и близки стремления и чаяния народа. Беспощадно бичуя угнетавших народ чиновников, баев, купцов, ростовщиков, фабрикантов и представителей духовенства, Мукими реалистически раскрыл их скупость, жадность, жестокость. Вместе с тем он нарисовал образы честных, трудолюбивых людей из народа.

Во многих стихотворениях Мукими правдиво

показывает подневольное положение трудящихся под гнетом эксплуататоров. В „Прощении хану от жителей селения Хафалак“ он говорит о тяжелой участи дехкан, доведенных до нищенства:

В кишлаке, как совы дупла, хижины и шалаши...
Люди там едят колючку, от которой мрет верблюд,
Кукурузную лепешку ханским пиром там зовут,
Постный суп из тыквы лучше хафалакцам прочих блюд,
Хафалакцы, голодая, в ступах корни трав толкут...

Беззастенчивый грабеж народа показан в сатире „Землемеры“. Образы двух наглых хищников — Али-Ходжи и Хакимджана — Мукими нарисовал с неподражаемым реалистическим мастерством.

Кто правит, тот и прав, мы — никогда,
И в этом наша главная беда, —

говорит поэт от имени разоренных тружеников.

В „Путевых очерках“, замечательных как по содержанию, так и по форме, Мукими, резко критикуя прогнивший общественный строй, дает ряд портретов угнетателей народа: это мингбаши селенья Ултармой Иса-Ходжи, богатый мельник, невежда, обманщик и взяточник, это хаким кишлака Дурманча, жестокий палач, безжалостный притеснитель народа, и многие другие.

В стихотворении „Новоявленный бай“ Мукими нарисовал сатирический портрет купца, владель-

ца хлопкоочистительного завода, ишана Ходи-Ходжа, сутяги и вымогателя.

Муками направлял острие своего сатирического пера и на русских купцов и ростовщиков, не брезговавших никакими средствами в погоне за наживой. Примечательно в этом отношении стихотворение Муками „Сатира на Виктора“. В Коканде открылась большая торговая контора братьев Каменских. Директором конторы был назначен жадный стяжатель и плут Виктор Ахматов, которого кокандцы прозвали „Виктор-бай“. Виктор-баю, занимавшемуся торговлей и ростовщицеством, местные бай доверили свои капиталы. В конце концов этот жулик скрылся, захватив с собой часть капитала своих хозяев и „вклады“ кокандских богачей. Муками написал сатиру, в которой разоблачил проделки Виктор-бая. Кокандские певцы положили эти стихи на музыку, и они стали популярной песней.

Муками был и талантливым юмористом. Его стихотворения „Лихорадка“, „Грязь“, „Твоя арба“ и другие, наряду с сатирическими произведениями, явились значительным вкладом в узбекскую классическую поэзию.

Муками расширил рамки классической поэзии и приблизил поэзию к народу. Лирика Муками насыщена демократическими мотивами.

Много стихов Муками посвящено воспеванию пламенной и чистой любви. Газели Муками „Ран-

няя весна“, „Влюбленный в тебя“, „Справьтесь“, „Не понравится“, „Пришел“, „Твои глаза“ и многие другие стали любимыми песнями узбекского народа.

В лирических произведениях поэта-демократа заключена ненависть к несправедливому общественному строю, к эксплуататорским классам. Поэт сетует на свою тяжелую участь, мечтает о счастье. В газели „Моя судьба“ он говорит:

Мне удачи, к сожаленью, не дала моя судьба.
Мне одни лишь огорченья принесла моя судьба.
Все застлала пыль печали. Зеркало души моей
Словно пыльной пеленою облекла моя судьба..
Жизнь моя чернее ночи, счастья не было и нет,
И судьбу я умоляю: будь светла, моя судьба!

Этим самым Мукими выражал чувства народа, стонавшего под гнетом эксплуататоров. В газели „Меня найдете вы“ поэт подчеркивает свою органическую связь с угнетенными трудящимися массами.

Меж тех, кто плачет день и ночь, кто падает в ярме,
Меж тех, к кому господь суров, меня найдете вы.

В стихотворении „Мой цветник“ Мукими высказал надежду на то, что народ в будущем оценит его поэтические заслуги.

Мукими скончался 25 мая 1903 года, 53 лет от роду, в расцвете творческих сил.

После Великой Октябрьской социалистической революции советский народ прославил своего поэта, увековечил его память, присвоив имя Мухими многим театрам и школам. Произведения поэта издаются большими тиражами, переводятся на русский язык и на языки других народов Советского Союза. В 1943 году было торжественно отмечено сорокалетие со дня смерти великого поэта. В одном из своих стихотворных посланий великому вождю народов товарищу Сталину счастливый узбекский народ с гордостью упомянул имя Мухаммеда Амина Мухими в числе благороднейших своих сыновей.

А. Алмуджанов

З Е М Л Е М Е Р Ы

Творятся дивные дела у нас,—
О них я начинаю свой рассказ.
Пусть он до слуха вашего дойдет.
Кто сердцем справедлив, меня поймет.
Моя беда—начальнику доход,—
Обмер полей бывает каждый год.
Али-Ходжа и Хакимджан—друзья;
Их уподоблю новобрачным я.
Один другому о любви поет
(Здесь совершенно ни причем расчет).
Один хитрец: что ни словечко—ложь.
Другой—на дикого быка похож...
Али-Ходжа едва с коня сойдет,
Безустали, не умолкая, врет:
„Я, может быть, курчонком вам кажусь,
Но я за вас как следует возьмусь.
Я сам—ходжа, Шахлик-Мазар—мой дед.

И здесь числа моим мюридам нет.
Дядя мне—Эр-Хубби и Нур-Ата,
Родная мне прабабка—Убайда.
Случалось, хаживала к нам она,—
Я был младенцем в эти времена.
Роднею был сам Хызр моей родне,
Чимликские святые—братья мне.
Прославленный ученый, шейх к тому ж,—
Я плов могу подать на сорок душ:
Я ваш хаким—богач из богачей.
Добиться надо милости моей.
Дано мне право жечь, топтать, крушить.
Дано мне право головы рубить.
Я захочу—и покараю вас,
Я захочу—и обласкаю вас*.
Еще не кончил речи пустозвон,—
Кишлак трепещет, речью потрясен.
А Хакимджан кричит: „Эй, аксакал,
Ты гостя дорогого не признал.
А я готов начать обмер полей.
Трех мардикеров дай мне поскорей,
Танаб—веревку протащить могу
По вашему дрянному кишлаку.
По вашим землям твердою стопой
Пройдусь и покажу, кто я такой.
Для вас из кожи лезешь вон, а вы
Не клоните пред нами головы.
Им два за десять, аксакал, считай
Да пошевеливайся, негодяй!

Пусть знают дети потаскух меня!“
Так говорит он, не сходя с коня.
Переглянулись люди меж собой,
Толкуют, спорят, судят меж собой:
„Так не отделаешься, нужно да т ь,—
И снова будет тишь да благодать“ .
А речь держать велели старикам:
„Мюриды ваши назр приносят вам!“
Хоть танапчи и взяли сто рублей,
А все же норовят прижать людей.
Кто правит, тот и прав,—мы--никогда.
И в этом наша главная беда.

Н О В О Я В Л Е Н Н Ы Й Б А Й

О наших богачах рассказ начну,
Такие не встречались в старину:
Едва какое дело заведут,
И, смотришь, по миру уже идут.

Ишан Холи-Ходжа подобный бай,
И у него долгов хоть отбавляй!
Кишка из богатея лезет вон:
Он должен москвичу-купцу мильон.
„Сейчас бы тысяч мне отдать пятьсот,—
Он думает,—пятьсот же через год!“
Мечтами улетаю в облака,
Дождется бай продажи с молотка.

И в Андижане есть должок за ним...
Ишан Холи-Ходжа невозмутим.
Он сорок тысяч должен в Андижан.
„Земляк потерпит“,—думает Ишан.

„Возьмет он за отсрочку платежа
Процент двойной“,—решил Ходи-Ходжа.

Богач в Москву за ситцем брата шлет,
Но фабрикант товару не дает.
Брат говорит: „Товару не привез,
Твой фабрикант довел меня до слез“.
Понятно будет каждому из нас—
Сколь стыдно баю получить отказ.
Он внес задаток: ситец можно брать,
Да денег где на весь товар достать?
А если бай товара не возьмет,—
Того гляди задаток пропадет.

И дома у купца не благодать:
Успел он всех рабочих разогнать.
Забыл о деле, тешит свой порок.
Все батраки от бая за порог.
Двор опустел. Рабочих след простыл,
И Бабаджан—приказчик бая—взвыл.
Контору отпер Бабаджан, вопит.
„Что делать с хлопком?“—словно пьян, вопит.
„Где грузчики?“—как бы осел, вопит.
Руками Бабаджан развел, вопит.

Свой хлопкоочистительный завод
В аренду русскому богач сдает.
И у того неважные дела:
Ишана слава знать себя дала.

Дома у бая были хороши,--
Ему пришлось продать их за гроши.
Кто хочет выгодно свой дом продать,
Тому в долги не надо залезать.

Домашние, завидев богача,
Задать спешат тотчас же стрекача.
Не угодишь ему,—он в суд идет,
Начальнику прошение подает,
Он требует взыскать с тебя скорей
Неведомую тысячу рублей.
Ведет его сутяжные дела
Прославленный мошенник Хайрулла,--
Напамять знает шариат, речист,
Да уж зато и на руку нечист.

Когда ж выходит на базар купец,
Все говорят: „Наставник и мудрец!“
„Вот мударрис!—все говорят о нем,
Когда он едет на коне своем.—
Халат белее снега и чалма!
Вот человек высокого ума!“

Рассказ кончаю, замолчать спеша:
Скучны длинноты, краткость хороша.

В Е К С Е Л ь

О векселе худое болтают языки—
В Алты-Арыке даже открыл он рудники.
Ишан, как ни старался, попал в его тиски:
Завод решил построить, да руки коротки,
Завода не достроил и помер от тоски.

О векселе издали для мусульман закон,
Он должен быть исполнен, каков бы ни был он.
И золоту богатый не верит с тех времен.
Бедняк, тот и подавно, приказом разорен:
Велят нам пять копеек отдать с любой теньги.

Пришли к хакиму люди, и говорят они:
„Судьба нам подарила страдания одни.
Освободи от пени,—на города взгляни.
Везде в цепях торговля“. Едва ль не в те же дни
Проценты стали выше, хоть были высоки.

Коканд в недоуменье, смущен Алты-Арык:
Ни купли, ни продажи, лишь повсеместный крик.
Ремесленники стонут, их стон небес достиг.
Навзрыд торговцы плачут, рыдающий мясник
Себя в мясной развесил, как мясо, на крюки.
Народ снует в тревоге и слезы льет из глаз.
Мы умерли, но палкой бьют после смерти нас.
О нищете и ценах твердим мы каждый раз.
Я—Мукими—сработал вот этот мухаммас.
Свой зад прикрыв кошмою, мне помогал Завки.

Т О Й

Пришел о тое рассказать черед.
Купец ташкентский телеграмму шлет
Приказчику в Икан: „Наплюй на той,
Иль сообщи, кто поручитель твой.
Не плов получится—навоз один.
Без тоя тоже проживет твой сын!
Не оберешься с празднеством хлопот,
По средствам ли тебе такой расход?
Сердиться буду,—не зови гостей
И курицу откармливать не смей,
А если тратить вздумает дрова,—
Все, что мне должен, возврати сперва!
Я ни копейки более не дам!“
Так передал купец по проводам.

Приказчик рад, зато его жена
Нежданной телеграммой сражена.
Когда нечист намеренья поток,

Дверь щедрости закрыта на замок.
Все перессорились: и стар, и млад.
Семья большая, а в семье разлад.
Рыданья, вопли потрясают дом,
Как будто бы покойник в доме том.
Мужчины багровеют от грызни.
Не позвала жена своей родни.
Жена вопит: „Мне нечем их кормить!“
Обижен муж,—не стал ни есть, ни пить.
Он из дому сбежал, вконец взбешен.
За три рубля купил барашка он
И заколол, а мясо спрятал в хум,—
Созвать совет ему пришло на ум.
Он под вечер из ближних двух домов
Зовет друзей. Они спешат на зов.
Цырюльник, прозванный „Слепым“, идет,
За ним сосед—Саид Касым идет.
Их потчуют бараньей головой.
Советы сыплются наперебой.
Тот начинает, этот перебьёт,
Умаялись и вытирают пот.
Вновь говорит один, другой сосед.
Советов много, а голковых нет.
Решили... На базар тайком идут.
Рис покупают, сало в долг берут.
Истратив четвертак, скорей назад...
Огонь разводят и над ним дрожат.
Токкуз и плов готовя, не дают
Распространяться ароматам блюд.

И, если кто чихнет у очага,
Его предупреждает кочерга,
А кто погромче говорить начнет,
Тому другие зажимают рот.
Десятки глаз следят из-за угла,
Но дыма нет, и не видать котла.

Ведя соседям самый строгий счет,
Хозяин дома их на пир зовет.
Он приглашает семерых гостей,—
Они в чалмах и прочих поважней.
Он пальцем их манит,—они должны
Притти и с той, и с этой стороны.
Явились. Моют руки всемером.
Хозяин им: „Для вас открыт мой дом“!
„Твой пир благословен!“—они в ответ.
Он замахал руками: „Пира нет!
Услышит обо мне торговый ряд,—
Торговцы знать меня не захотят!
Повсюду сплетни обо мне пойдут,
Меня везде и всюду осмеют.
Увы, не всех я пригласил друзей—
Почтенных баев, шейхов и ходжей!
Я— не купец, я лишь слуга купца“,—
Канючил он по-бабьи без конца.
„И это,—гости хором,—верь ты нам,
По нынешним отлично временам“.

Вот хлеб лежит на скатерти скупой,
Как будто нищей собран он сумой.
Каков хозяин—слоба такова:
Одна лепешка не совсем черства,
А эти девять—камень-зуболом.
Хозяин прикрывал их рукавом.
Плов приготовлен—блюдце на троих.
Кто только ахнул, кто совсем затих.
Еды—что кот наплакал и плоха!
Не рис, а камешки да шелуха.
Успел щепотку каждый ухватить—
Чисты тарелки, их не надо мыть.
От голода икнувши раз-другой,
Прочли молитву гости—и домой.

Приказчик хвастал на пирах чужих:
„На той истрачу сорок золотых“.
Во всех склонял приказчик падежах:
„Я лучше угощу, чем падишах:
Достану рису. Десяти пудов
Едва ли хватит на подобный плов!
Мука пшеничная припасена.
Убойная скотина мне нужна.
Пред каждым выставлю котел большой.
Я ваш слуга—распоряжайтесь мной!“
Да вот беда, забывши бедняков,
Он двери дома запер на засов,
И праздник вышел вроде похорон.
Приказчик счета взял, он не смущен.

Костяшками защелкал поскорей:
Той вместе с солью стоил шесть рублей.
Ну, вот и все! Я—Мукими—не лгу,
Я очевидцев привести могу...
Свидетели найдутся и меж вас.
Хвала аллаху, кончен мой рассказ!

САТИРА НА ВИКТОРА

Куда ж ты с деньгами исчез в мгновенье ока,
Виктор-бай?
Ловец удачи, богачей надул жестоко,
Виктор-бай!

Карим-ахунд, Касым-даллол цеплялись за твою
полу,
Но все напрасно, и в тебе им нету проку,
Виктор-бай.

Сгинь, пропади! Зачем рыдать ты заставляешь
богачей?
Ловкач, ты байский капитал зарыл глубоко, Виктор-
бай!

И не допив и не доев, жадюги вытрясли кошель,—
Не возвращай ни гроша им—ты брал без срока,
Виктор-бай!

Ты ласков был, подлизой был, пока кармана не
набил,
Набил карман—и был таков! Теперь далёко Виктор-
бай...

О, Мукими, не порадел тебе никто, хоть ты страдал.
Нет смысла в том, чтоб повторять: дитя порока—
Виктор-бай.

СЫН ГРЕХА

Рот его зовем казною, но пустою. Сын греха!
А его язык болтливый—злой змеєю. Сын греха!

Он заглавная страница в книге мерзостей земных.
В поле трусости и лени горд собою сын греха!

Не брани его—от брани он становится наглей.
Говорят о нем обжоры с похвалою: сын греха!

Он—нутром котел чугунный. Ложь и хитрость в
том котле.

С тростью суфия святого предо мною сын греха!

Кто его чалму увидит—думает: «большой мулла!»
Букв не знает, хоть украшен сединою сын греха.

Справедливо опасуюсь, что в хазраты метит он:
Как высокий столп вознесся над толпою сын греха.

Пропадал, но объявился и на свадебном пиру,
Громыхал трубой ослиной громовою сын греха.

Курдюки он брал бараньи, в Минг-тепе их отпра-
влял

И кичился этой лептой воровскою сын греха.

Он сурьмит себе ресницы. Вечно в зеркало глядясь,
Прихорашиваясь, вертит бородою сын греха.

Нищему в гроше откажет, будто медный этот грош
Птицею Анка считает неземною—сын греха.

На обед его не кличут,—сам приходит на обед:
Все забыв на свете, занят лишь едою сын греха.

Он, белье стирая, пену ночью в пост распродает.
Эту пену называет нишалдою сын греха.

Прежде знал он стыд и совесть, но давно их
потерял.

В Мекке был, но лишь грязнее стал душою сын
греха.

Он бахвалится повсюду, что султаном награжден,
Упивается нелепой болтовнею сын греха.

Может быть, шайтан вселился в подданного своего:
Помяни шайтана имя,—пред тобою сын греха.

С палкой, как слепец, он ходит: хоть снаружи и
глазаст,
Но прославился душевной слепотою сын греха.

Обличаю негодяя, чтоб читатель мой сказал,
Что доволен он сатирой неплохою—«Сын греха».

Сын греха—подобный титул лишь тебе принадле-
жит,
Титул этот будет признан всей землею, сын греха.

Ты—великий греховодник. Даже своего врага
Мукими не называет кличкой злою: «сын греха».

С В Я Т О И

То шапку носит, то чалму,—его зовут святой.
Аллаха сотню раз предаст за пять минут
святой.

Его известны чудеса: он нюхает везде,—
Заслышав жареного дух, уж тут как тут
святой.

С его не сходят языка бесстыдные слова,—
Боюсь, камнями как-нибудь тебя побьют, святой!

Нечистое увидит он и тащит прямо в рот,
Но чистую обмоет кость великий плут святой.

Замерзнешь в шубе меховой в июльский жаркий
день,
Едва задумает острить ханжа и шут святой.

Он самый толстый на земле, он весит больше
всех,
Хотя придет без добрых дел на Страшный суд
святой!

Все это знает Муками, он правде первый друг.
Такая слава про тебя, дурной сосуд—святой!

БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Помогите,—я бродячий, некрасивый музыкант!
Я флейтист и чтец газелей — незлобивый
музыкант!

Я юродивый, убогий,—создал бог меня таким.
Молча бедность принимаю—терпеливый музыкант.

Вы меня не презирайте за истрепанный халат,—
Я не дервиш настоящий, я — плешивый
музыкант.

Дайте милостыню, люди! Будет маяться всю ночь,
Если спать голодным ляжет, несчастливый
музыкант.

Пожалейте!—Как бездомный неудачливый петух,
Ищет вечером насеста сиротливый музыкант.

Побираться нелегко мне, право, если б не нужда,
Не просил бы вас стыдливый, горделивый музыкант.

Я флейтист не из последних и прошу не говорить:
„Лучше бы ты шел батрачить, нерадивый музыкант“.

К О Н Ъ

Всею мерзостью клейменный, чтоб он сдох—проклятый конь!

В нем пороков миллионы, чтоб он сдох—проклятый конь!

Конь кусается мудреный, чтоб он сдох—проклятый конь!

Нравом мягче скорпионы, чтоб он сдох—проклятый конь!

Этот тощий, зачумленный, чтоб он сдох—проклятый конь!

Пакоstickник, хитрец, упрямец и чесоткой наделен,
Спутников моих дорожных в бегство обращает он.
Все друзья меня бросают. Город ржаньем оглушен.
Мне «салям» в дороге крикнут,—задом вскинет ветрогон,

Отвечая на поклоны, чтоб он сдох—проклятый конь!

Хмурый у него характер. В морде ни кровинки нет.
Каждый миг ложится, словно покидает белый свет.
Будто на точильном круге проскакать я дал обет:
Еду—и меня терзает конский рубчатый хребет,
Или конский бок граненый, чтоб он сдох—прокля-
тый конь!

Я с привычками дурными моего коня знаком:
Лишь привяжешь—отвязался, и лови его потом.
В руки не дается, скачет провинившимся котом.
Хуже клячи, хоть всегда он в настроенье боевом,
А на пашне—как вареный, чтоб он сдох—прокля-
тый конь!

Ездить на таком—несчастье! Как мне быть с конем
таким?
С ним не ведаю покоя. Нрав его невыносим.
Тощий конь один съедает, что дается четверым.
Все обратно изрыгая, остается он худым,
Бродит, будто бы мореный, чтоб он сдох—прокля-
тый конь!

Лучше бы его зарезать, чтобы справить торжество,
Лучше б даже, как барана, в жертву принести его.
Хвост ему остричь и гриву, к мяснику свести его;
Недостойн конь-обманщик недоуздка своего,
Потника, седла, попоны! Чтоб он сдох—проклятый
конь!

Негодяю ни листочка я не дам, ни стебелька.
Только встречного завидит чортов конь издалека,

Пасть раскрыв, заржет бесстыдно, и, заслыша срам-
ника,
Путник повернет обратно,—ведь тропа не широка,
И над ней трубят драконы. Чтоб он сдох—прокля-
тый конь!

Ты к нему не приближайся, обходи его пути:
Следует того бояться, у кого лицо в шерсти.
С морды подойдешь к такому, он куснет, не под-
ходи!
Подойдешь к такому сзади, он лягнет, того гляди,—
Разобьет он все заслоны! Чтоб он сдох—прокля-
тый конь!

Тот, кто на него садится, ясного не видит дня.
Мы аллаха умоляем нас избавить от коня.
Для него канавка—пропасть, мышья норка—за-
падня!
И травинки конь боится, вот какой он у меня.
Вроде пуганой вороны. Чтоб он сдох—проклятый
конь!

Подвязавши хвост мерзавцу, на базар я поспешил.
За коня мне не давали и того, что сам платил.
Я водил коня по рынку. Ослабел и приуныл!
«Даром лошадь забирайте!»—Мукими провозгласил.
Весь базар услышал стоны: «Чтоб он сдох—про-
клятый конь!»

ТВОЯ АРБА

Я—в синяках: трясет твоя арба.
Я глухну: слух дерет твоя арба.

Зачем—глупец—я не пошел пешком.
Как сатана, поет твоя арба.

Едва лишь повернется колесо,
Под небеса швырнет твоя арба.

Живым я не доеду в Шахрихан:
Мне печень отшибет твоя арба.

Тебе ли хвастаться арбой своей,—
Пусть вовсе пропадет твоя арба!

Продай свой выезд,—грош за клячу дам,
За полгроша пойдет твоя арба.

Благословенны пешие пути,—
Лишь труп мой довезет твоя арба.

И верно,—доконала Муками
У городских ворот твоя арба.

СЛУЧАЙ С ОДНОГЛАЗЫМ АШУРБАЕМ
ХАДЖИ

Ну, что за люди, что за времена!
Событиями жизнь у нас полна.

Об Ашурбае расскажу сейчас,
Весьма известном в Фергане у нас.

Он ночью к дочке сторожа проник.
Она, конечно, подымает крик,

Соседей разбудила: стар и млад
Причину шума выяснить спешат.

На крик, раздавшийся в ночной тиши,
Бегут будкабаши и мингбаши.

Они ввалились к бедняку во двор.
Серьезный начинают разговор...

И грозный прекращают разговор,—
Пред ними Ашурбай: богач — не вор

Для Ашурбая лестницу несут,
Под ручки бая к лестнице ведут,

Оказывая Ашурбаю честь,
На крышу помогают баю взлезть.

Богач почету этому не рад,
Бежит по крышам, подобрав халат.

Да только оступился на одной
И очутился в яме выгребной.

Двора хозяин с лампою идет:
„Какой негодник спать мне не дает?

Кто там барахтается? — Вылезай!“
— „Шуми побольше, — злится Ашурбай. —

Не видишь, что ли, — я скрываюсь тут.
Ты лучше б мне помог, за мной бегут“.

Из ямы извлекают богача,
Едва не избивают богача.

Ведут в участок бая, мать и дочь,
Ведут свидетелей. Все та же ночь.

К городовому первым бай идет.
— „Ах, дорогой, прости меня“, — поет.

„Ах, дорогой, здесь не моя вина,—
Меня шайтан попутал — сатана!“

И потерпевших к приставу ведут,
И всех шумевших к приставу ведут.

А пристав говорит: „Ну и хаджи!
Как ночью к сторожу попал, скажи?“

— „Ах, дорогой, подрался он с женой!
Я помирить старался их с женой.“

За доброе намеренье браня,
Клеветает глупый сторож на меня“.

Ссылается начальник на закон:
„Вопрос судьейю будет разрешен“.

Оправдан будет бай наверняка:
Цена какая слову бедняка!

Нужда — косноязычный адвокат.
Богатство — вот отличный адвокат.

У бая звонкий золотой язык,
И против бая никаких улик.

Зачем писать об этом, Мукими?
Не то еще случается с людьми.

МИНГБАШИ

Ты, мой мингбаши, «правильно» живешь—
Без взятки пальцем не пошевелинешь,

Ты ласков с тем, кто хорошо одет,
Строг с оборванцем — что с него
возьмешь?!

Ты, только управитель волостной,
Что ж не по чину золото гребешь?

Хан Худояр не так спесив, как ты,
Ты проклят всем народом за грабеж.

Надулся, смотришь—сколько могут дать.
Гияс—твой писарь—на тебя похож.

Ждет-не дождется, стонет Мукими:
„Когда же, мингбаши, помрешь!?“

ЖАЛОБЫ НА ЛИХОРАДКУ

Пусть будет лик твой смоляным, жестокосердая
болезнь!
Янтарь с моим лицом сравним, жестокосердая
болезнь!

Один лишь приступ— и юнца не отличишь от
старика:
Вручает палку молодым жестокосердая болезнь.

До одури доводит нас, трясет, не думает о том,
Что в ад и так мы угодим, жестокосердая болезнь!

И без того измучен я—откуда ты еще взялась?
Зачем тобой я одержим, жестокосердая болезнь?

На помощь господу зову: „Горю, терпенья больше
нет!“
В Коканде тесно нам двоим, жестокосердая бо-
лезнь!

Чего ты хочешь? Пощади! Меня опять всего тря-
сет.

Нет, не по силам ты моим, жестокосердая
болезнь!

Ступай, злодейка, к толстякам, которым надо
похудеть.
Зачем же приставать к худым, жестокосердая
болезнь?

Несчастный Муками готов тебя кораном
заклинать,—
Не жги меня огнем своим, жестокосердая
болезнь!

Г Р Я З Ъ

Не выберешься за порог,—езде большая грязь.
Весною снова снег пошел. Почти что в мае
грязь.

По жидкой грязи хлещет дождь, над грязью
вьется снег,
И грязь на улице лежит, сама ругая грязь.

Весна, а снег идет. Его не знали мы зимой.
Глушит побег и ростки, все погребая, грязь.

Почтенный человек—в грязи, ходжа—и тот в
грязи,—
Ведь брызжет на халат любой, всех обдавая,
грязь.

Богатых, бедных валит с ног—все перед ней
равны.
Она—силач, она —батыр. Гляди какая грязь!

Была весна, и начинал уже цвести миндаль,
И вдруг аллах нас покарал, ниспосылая грязь.

Идет по грязи Муками, скользит, боясь упасть.
Одни дувалы с двух сторон. Меж них—
сплошная грязь.

ОТ КОКАНДА ДО ШАХИМАРДАНА

Беда! Шипы судьбы моей
Мне сердце рвут на сто частей,—
Немало видел я людей,
Весьма обиженных судьбой.

Пешком, верхом ли, здесь ли, там,
Но странствие для нас—бальзам.
Я разъезжал по кишлакам,
Бежав от жизни городской.

Сарпинку вез попутчик мой,—
Мы доскакали в час-другой.
Селенье звали У л т а р м о й.
Вдали базар кипел толпой.

Не мог я сразу разобрать,
Что это женщин—сотен пять

Пришли „святого“ повидать,
И разглагольствовал „святой“..

Спросил я: „Кто тут мингбаши?“

Ответили: „Иса-Хаджи.

Хорош ли, плох он,—сам реши:

Он—мельник, он—богач большой“.

Он скажет слово—и соврет...

Все для Иса-Хаджи доход.

Он с прокаженного берет,

Мерзавец, негодяй такой.

И в Д у р м а н ч а лежал мой путь.

Хватаясь каждый миг за грудь,

Я тут всю ночь не мог заснуть;

Я знал, что в Дурманча разбой.

Кази тут главный, говорят:

Он и судья и адвокат,

Да только все его бранят:

Характер у него дурной.

Опять толпа, опять „святой“.

Он обкурился анашой...

Уйдя в колени головой,

Сидит безмолвный и тупой.

Дома в Ок-Ёре на подбор,

Но путнику кричит Ок-Ёр:

„У нас не постоянный двор!
А ну-ка, проезжай. Не стой!“

Но вот уже и Р а ш и д о н,
Его арыками пленен,
Его садами осенен,
Познал я будто рай земной.

Кишлак запальчивых людей —
Проедем З а х и д о н скорей,—
Стыдятся здесь своих детей
Родная мать, отец родной.

Все чисто здесь, везде уют,
Но пакостные люди тут,
Тут в чайхане вам подадут
Не чай — слабительный настой.

А л т ы - А р ы к, чтоб он пропал,
Здесь ливень так меня хлестал,
Что я как паралитик стал;
Здесь очень хитрый волостной!

Он праведник, хотя с сорок
Берет пример: все скок да скок,
Схватил кусок и уволок:
Вот он — обычай воровской.

Полушку он зажмет в кулак,—
Ее не отберешь никак.

Уходит от него бедняк
Обиженным, с пустой рукой.

В Ч и м ь е н е, что тюрьмы темней,
Шелковиц много, но гостей
Убраться просят поживей:
„Проваливай, такой-сякой!“

В а д и л ь—журчанье светлых вод,
Вадиль—ветвей зеленых свод.
Кто здесь прошел однажды, тот
Познал отраду и покой.

ОТ КОКАНДА ДО ФЕРГАНЫ

Кудаш оставлен мною был.
Я уезжал угрюм, уныл,
Я, как Меджнун, с ума сходил,—
Как мне легко дышалось там!

В Яйпане воздух неплохой,
Но жители там—боже мой,
Бранятся, спорят. День-деньской
В Яйпане крик стоит и гам.

Вернуться бы в Нурсух назад!
Не яблоко и не гранат
Туда влекут, туда манят,—
Там виноград по всем садам.

Вот Бешарык. Здесь у сирот
Бессовестно богач крадет.

Тут сеет просо садовод.
Да, тут раздолье шутникам!

Здесь нет хромых, но даже плеть
Не может их загнать в мечеть:
Лень невозможно одолеть
И самым первым силачам.

Сколь восхитителен Рафкон!
Прохладу обещает он,
И ложе, и спокойный сон
В своих садах своим гостям.

Но этот край—совсем не рай:
Здесь много нищих, гадов бай,
Здесь анаша сменила чай,
Здесь пьют кукнар по чайханам.

Здесь дом—соседними тесним.
Майдан—не разойтись двоим.
С товаром свален привозным
Здесь на базаре местный хлам!

Зашел я в лавку под конец.
Там песни пел один юнец.
Осел в сравненьи с ним—певец,—
Не надо петь таким певцам!

Там трое юношей других
Держали ястребов своих.

И пес под утро лишь затих,
Всю ночь он лаял: „Спать не дам!“

Не мог заснуть я до утра.
И я решил: домой пора!
В К а н и б а д а м е пыль, жара,—
Не еду я в Канибадам!

ОТ КОКАНДА ДО ИСФАРЫ

Судьба известна для меня.
В Коканде тесно для меня,
Я, скуку и тоску гоня,
Решил проведать край иной.

И я поехал в Яккатут.
Усатый бакалейщик тут.
Дерет великий этот плут
Втридорога за сыр сухой.

Во вторник здесь базар как раз,
И женщины пустились в пляс.
Зевака не спускал с них глаз.
Стоял невероятный зной.

В ложбине злой Иштан-Солды,
Везде разбойников следы.

Здесь пахнут трупами сады,
Здесь всё грозило мне бедой.

А мингбаши здесь Эш-Давлят.
Как он хорош на первый взгляд!
Но, грош истратив, — говорят, —
Не спит он, бродит сам не свой.

Красавицами знаменит —
Яйпан мне сердце веселит.
Никто в Яйпане не грустит,
Лишь ивы плачут над водой.

Нурсух прославился окрест:
Дехканин здешний вдоволь ест,
Мечети здешних райских мест
Сияют дивной красотой.

Тебя я повидал, Бурхан!
Ты — врач моих душевных ран!
Здесь был я к волостному зван,
И плов дымился предо мной.

Недельку, две бы тут пожить,
Но приходилось мне спешить:
Не смог я даже посетить
Тикка-Рабат мой дорогой.

Моя душа была грустна.
Я ехал в Исфару. Она

Лежала, солнцем сожжена,
Гранитной сдавлена грядой.

Бежали ручейки с высот,
И слаще, чем шербет и мед,
Урюка мне казался плод,
Обрызганный живой росой.

Жилище тигра — камыши.
Но сделать вывод не спеши.
Живут и здесь меж гор в глуши
Не только злобные душой.

Судья, подобно мотыльку,
Носился здесь по кишлаку.
И закололо вдруг в боку,
И слег судья: лежит больной.

Там на урде живет Зухур —
Гостеприимный балагур.
Придешь к нему и стар, и хмур. —
Уйдешь с улыбкой, молодой.

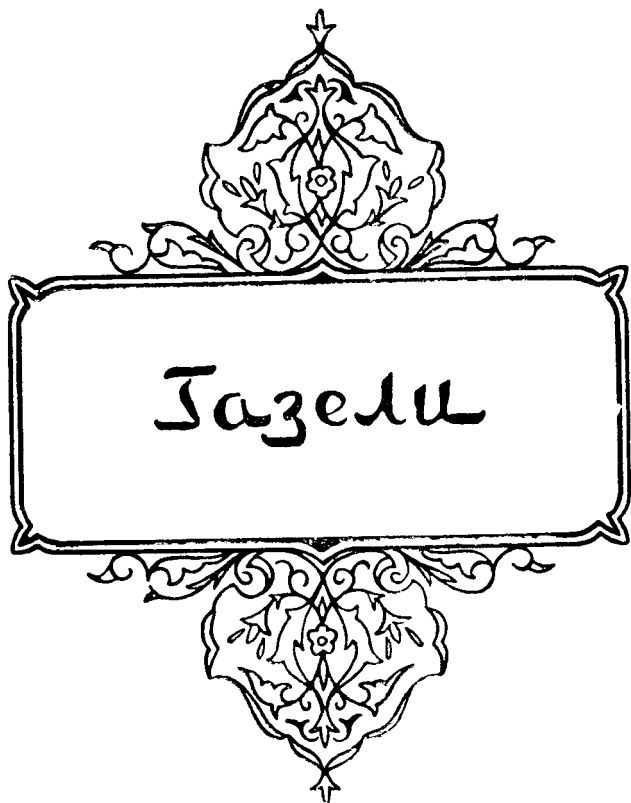
Чаеоторговец там живет --
Чахоточный, собой урод.
Он лжет, едва раскроет рот,
Вот это человек дрянной!

Забудь о нем! Не трогай зла!
Приятен мед, страшна пчела.

За добрые твои дела
Мир наградит тебя хулой.

Рассказ кончаю. Невредим,
Аллахом мудрым, всеблагим
На всех своих путях храним,
Вернулся Муками домой.

Р А Н Н Я Я В Е С Н А

Опять весна, и зелен сад, цветы со всех сторон,
Друзья, пусть грянет полных чаш веселый
перезвон!

Святая дружба—дар небес, она—сердец бальзам.
Когда вокруг тебя друзья,—ничем ты не стеснен.

И только я один грущу, один схожу с ума:
Ты улетела от меня, а я в тебя влюблен.

Забыла пери обо мне, я милой позабыт,—
Не слышно пенья соловья, лишь карканье ворон.

И, если другу расскажу я о беде своей,
Лишь сердце скорбное мое сильней изранит он.

Не порицай своих друзей, а в горы уходи:
В горах ты будешь, Мукими, за все вознагражден!

М О Я С У Д Ь Б А

Мне удачи, к сожалению, не дала моя судьба.
Мне одни лишь огорченья принесла моя судьба.

Все застлала пыль печали. Зеркало души моей
Словно пыльной пеленою облекла моя судьба.

Колесо свое вращая только в сторону одну,
Все моления отвергая, злой была моя судьба.

Жизнь моя чернее ночи, счастья не было и нет,
И судьбу я умоляю: будь светла, моя судьба!

Я приветствую знаконца, — он не слышит Мукими.
Будто глух на оба уха. Тяжела моя судьба!

Я РАЗУМ ПОТЕРЯЛ

Я разум потерял, глаза мои горят,—
Пусть люди обо мне поменьше говорят!

Красавица, с тех пор, как я лишен тебя,
Я по ночам не сплю! Мечты к тебе летят.

Вздыхаю и томлюсь, и плачу, как свеча,
Которую жара и пламя не щадят.

Пить больше не могу отраву горьких дней,—
Где нежных встреч вино? Где сладкий виноград?

Пишу пером ресниц и черной тушью глаз,—
Услышь меня, услышь лишенного отрад!

Я, будто человек, ужаленный змеей,
Катаюсь по земле—и в самом сердце яд.

О, виночерпий мой, не обноси меня,—
Пусть на пиру любви я буду пьян стократ.

Ферганца Муками тебе индус милей,—
Приезжие у нас, как видно, нарасхват.

В Л Ю Б Л Е Н Н Ы Й В Т Е Б Я

Не мучь того, на ком печать влюбленного в тебя!
Зачем бранить и поучать влюбленного в тебя!

Он полагает—роза ты, а перед ним шипы.
Зачем беднягу огорчать, влюбленного в тебя!

Красноречиво говоря с другими на пиру,
Зачем на взгляд не отвечать влюбленного в тебя!

Пугая пытками, ведя с пристрастием допрос,
Зачем в любви избличать влюбленного в тебя!

Когда к тебе приходит гость в халате золотом,
Зачем, склонясь, его встречать, влюбленного
в тебя!

Когда к тебе приходит гость в одежде бедняка,
Зачем тогда не замечать влюбленного в тебя!

Но постоянен Мукими,—он все перенесет.
Зачем от счастья отлучать влюбленного в тебя!

УМИРАЮ ОТ ЛЮБВИ

Посторонний между нами,—умираю от любви!
Так ведется ль меж друзьями,—умираю от любви!

Над влюбленным ты смеешься, ты влюбленного
бранишь,
У тебя не сердце—камень,—умираю от любви!

Соизволив написать мне, грамотная чересчур,
Ранила меня словами,—умираю от любви!

Бедняком пренебрегая, дни и ночи напролет
Веселишься с богачами,—умираю от любви!

Ферганы известны розы, но подобная одна
С ядовитыми шипами,—умираю от любви!

Я сгорел в саду волшебном редкой красоты
твоей.
Образ твой перед глазами,—умираю от любви!

Стонов Муками не слышишь; говорящий соловей—
Ты меня одела в пламя,—умираю от любви!

НЕ ПОНРАВИТСЯ

Без тебя цветник богатый не понравится ему;
Рай, отсутствуешь когда ты, не понравится ему.

Если твой румянец нежный он увидит, базилик
Ароматный розоватый не понравится ему.

Если уст твоих коснется он устами, леденец
Сразу станет горьковатым, не понравится ему.

Если стройную такую на прогулке встретит он,
Станет кипарис горбатым, не понравится ему.

Если ты лицо откроешь, им пленится сам Мед-
жнун
Хоть Лейли безумцу сватай,—не понравится ему.

Если он тебя услышит, станет златоустов речь
Туповатой, грубоватой,—не понравится ему.

Друг хоть скажет: „В брови-луки не влюбляйся,
Мукими!»
Сможет ли их сводкрылатый не понравится ему?

ПРОГУЛКА В САДУ

Когда в саду лицом твоим сияешь молодым,—
Зардевшись, розы говорят: «От зависти горим».

Когда в пустыне ты идешь,—тюльпаны за тобой.
Колючка злобная—янтак путь уступает им.

Когда в саду гуляешь ты,—завидуя, в пески
Бежит серебряный фазан с фазаном золотым.

Всегда, везде веселой будь! А что же делать мне?
А мне веселым каждый миг весельем быть твоим.

Смотри, вконец перепились соперники мои,
В пыли валяются,—не пей с поклонником таким!

Пускай умрет, пускай земля покроет мерзкий взор
Того, кто подойдет к тебе с намереньем дурным.

Не странно ль это, Мукими, что, пери увидав,
Весь поголовно не сошел с ума кишлак Ойим.

Т В О И Г Л А З А

Без сурьмы великолепны, хороши твои глаза!
Смертоносные, опасны для души твои глаза.

Не влюбленному подаришь хоть один, но добрый
взгляд,
Ты влюбленному не злыми покажи твои глаза.

На поклонника не взглянешь даже по ошибке ты—
Отучить от невниманья поспеши твои глаза.

Им завидует Китая черноокая газель,
В глушь от них ушла, но видит и в глуши твои
глаза.

Вечно б в них глядел: ресницы—приворотная
трава!
Ты от колдовства такого удержи твои глаза!

Их самих постигла кара: где же зеркало твое?
Извелись, своей не видя госпожи, твои глаза.

Горлинка в твой стан влюбилась, соловей—в твое
лицо;

Просит Муками: „Любить мне разреши твои
глаза!“

И Т Ы

Тебя я видел только раз,—страдать заставила и ты.
Лекарства у тебя просил, — но боль доставила и ты.

И без того довольно мук, и так на сердце тяжело.
И я рыдаю каждый миг, а слез добавила и ты,

Павлин вздыхает и фазан: они завидуют тебе,—
Прекрасной Азии сады собой прославил и ты.

Я о свободе позабыл, не знаю отдыха и сна.
О пери милая моя, влюбленным правила и ты,

Как много раз я был казним лукавицею молодой!
И ты на казнь меня вела, со мной лукавила и
ты.

Влюбленный в розу соловей поет о пламенной
любви,—
Держись, приятель Мукими, такого правила и ты.

П Р И Ш Е Л

Я с тобою поделиться сотнями скорбей пришел.
У тоски снимаю угол, всех других бедней пришел.

Базилик ли это, или на твоей щеке пушок?
Покажись, полюбоваться красотой твоей пришел.

Я с товарами поехал на базар, чтоб торговать,
Но махнул на все рукою и к тебе скорей пришел.

Лучше мне ослепнуть, если на другую посмотрю,—
Наслаждаться, упиваться лишь тобой, ей-ей,
пришел.

Без твоих газельих взоров стали ночью дни
мои,—
Я из мрака, чтоб увидеть свет твоих очей, пришел.

Ах, зимою в непогоду выходить мне тяжело:
Думал—я тебя застану, я сквозь снеговой пришел.

СПРАВЬТЕСЬ

Справьтесь — милая не встала ль ясным утром в
тишине.
Если встала, расспросите—кто являлся ей во сне?

Чтобы солнце не затмилось, видя красоту ее,
Может, дома затаилась с тишиной наедине?

Жемчугом-слезами думал путь усыпать перед
ней, —
Иль под ноги ей упали, иль пропали в стороне?

В городе она бывает, не бывая у меня,—
Может дом мой объезжает на горячем скакуне?

Помню обещанье дружбы, слово данное держу,—
А она хранит ли клятву в сердца нежной
глубине?

Тайну ветерку доверил, а рассветный ветерок
Эту передал ли тайну, объяснил ли все вполне?

Муками — я умоляю: благородные друзья,
Фарзинче напоминайте на пирушках обо мне.

ТЫ, РОЗА, — КРАСОТА САМА

Ты, роза, — красота сама. Куда, измученный,
пойду?

Речами сводишь ты с ума. Куда,
измученный, пойду?

Когда нарядная идешь, приятный разговор
ведешь, —

В плен собеседников берешь. Куда, измученный,
пойду?

Твои уста — сладчайший мед, и страсть меня, как
жажда, жжет,

И мне воды недостает, — куда, измученный, пойду?

И, если сердцу благодать ты не желаешь
ниспослать,

Что мне, страдальцу, предпринять, куда,
измученный, пойду?

К тебе влекут, огонь тай, характер ум, краса
твоя.

Иные счастливы, а я куда, измученный, пойду?

С минутой каждой больше мук мне причиняет
мой недуг.

Я счастье выпустил из рук, куда, измученный,
пойду?

Я — Муками, в ночи и днем не говоря своим
стихом

О милом имени твоём, куда, измученный, пойду?

Т Е Б Я Н Е В И Д Е Т Ь Л У Ч Ш Е

Ночей моих мученье, жестоких дней беда,
Тебя б не видеть лучше поэту никогда!

Зерно любви посеял я на поле души.
Теплей взгляни,—посеву взойти ли в холода?

Я слезы лью, увидев твой милый базилик,—
Растению любому всегда нужна вода.

Студент тебя попросит преподавать любовь,—
Из всех наук усвоит вот эту без труда.

Как тонок стан любимой, законник не поймет,
Над тонкостью законов не просидев года.

Чтоб дерзкий не смеялся соперник надо мной,
Ты обо мне справляйся хотя бы иногда.

Султанша нежноликих! Страдает Муками, —
Влюбленному ответишь ты на газель когда?

НЕ ТОЛЬКО Я ОДИН

В тебя влюблен олень степной, не только я один.
Пленилось зеркало тобой, не только я один.
Едва ты по саду прошла, грудь растерзал свою
В саду шиповник молодой, не только я один.
Огонь любви меня томит. От искр твоей любви
Тюльпан пылает золотой, не только я один.
Всему виной твои уста. Рубин увидел их—
И верным стал твоим слугой, не только я один.
Лишенный разума, брожу по улице твоей.
И нард индийский сам не свой, не только я один.
Увидев ямки милых щек, в колодце ямок тех
Юсуф томится. Узник твой—не только я один.
Недели, месяцы, года в Янги-Кургане жил,
Твоей плененный красотой не только я один.

МОЙ ЦВЕТНИК

В красной розе кровь пылает яркочерная моя.
В каждом слове соловьином песня страстная моя.
Не страшит меня изгнание,—все равно в родном краю
Всякого страшней изгнания жизнь несчастная моя.
Но, когда умру, передайте бранный прах родной земле;
Станет цветником могила незабытая моя.
И заговорят народы о поэте Мухомове.
Ты не гасни, свет мой чистый—слава ясная моя.

М И Л Я Я

Помнишь, что за встречи были, милая моя, у нас?
Царства мне не надо,—только видеть бы тебя сей-
час!

Если б ты пришла к больному, я бы на пути твоём
Слезы радости рассыпал, каждая была б алмаз.

Разве б я не стал счастливым, если б госпожа меня
Из числа рабов послушных выделила только раз.

Успокоилось бы сердце после светлых слез моих—
Так весною дождик легкий освежает трав атлас.

Ждал тебя я отовсюду, на все стороны глядел.
На дороге ожидания мало двух мне было глаз.

От безжалостных красавиц натерпелся я обид,
Но любить я не устану, хоть грозит опять отказ.

Почему б тебе—жестокой—Муками не пожалеть—
Мне за муки полной мерой заплатить отдай приказ.

А Т Ы У Ш Л А

Ты нанесла мне сотни ран. Они болят, — а ты ушла
Все знают о беде моей, и в сердце ад, — а ты ушла.

Ты сердце истерзала мне, — скажи, какой же ты
султан?

Я ранен, разорен тобой твой султанат, — а ты ушла.

Я умираю от любви, насмешка, ложь и клевета,
По наущенью твоему, меня клеймят, — а ты ушла.

Жестокосердая! Гранит, и тот бы мягче воска стал,
Увидев, что в бою меня враги теснят, — а ты ушла.

Никто из добрых мусульман средь битвы не бросал
друзей,
Не кончен бой, и тучи стрел еще летят, — а ты ушла.

Мне лучше бы не знать тебя, но даже думать я
не мог,
Что клевета, позор и стыд меня сразят,—а ты
ушла,

Но все ж, красавица, тебя благословляет Мукими,
Он бедняка бедней, тобой он был богат,—а ты
ушла.

МЕНЯ НАЙДЕТЕ ВЫ

Захочет царь—меж беглецов меня найдете, вы,
Меж тех, кто потерял свой кров, меня найдете вы,

Меж тех, кто имя потерял и позабыт людьми,
Меж увядающих цветов меня найдете вы.

Меж тех, чья жизнь прошла вдали от солнечных,
лучей,

Меж злополучных бедняков меня найдете вы.

Меж тех, кто плачет день и ночь, кто падает в
ярме,

Меж тех, к кому господь суров, меня найдете вы.

Меж тех, чья доля тяжела, чья горестна судьба,
Меж тех, кто слаб и нездоров, меня найдете вы.

Не там, где мой пирует враг, ищите Мукими,
Меж тех, кто встретить смерть готов, меня най-
дете вы.

Я ДАЛЕКО

Ты всех прекрасней: лик увидев твой,
Царица роза сделалась рабой.
Пока живу—твой образ предо мной,
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Твоим вниманьем сердце зажжено,
Горячей кровью, как тюльпан, полно,
Одной тобою занято оно.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Домой вернусь—не спросишь у меня:
Как ездилоь, где я сходил с коня?
И вновь скитаюсь, образ твой храня,—
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Всем жителям земли признать пора,
Что пери—младшая твоя сестра.
О горе мне! Разлуки боль остра.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Такой не сыщешь ни в одной стране.
Владычица, лишь по твоей вине
В народе басни ходят обо мне.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Все юноши у ног твоих. Прими
Моленья каждодневные мои.
Но ты не хочешь знать о Мукими.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

ПЕРИ, ТЫ ЛИЦОМ СВЕТЛА

Пери, ты лицом светла.
Многих ты с ума свела.
Мне разлука тяжела,—
О свидании прошу.

Обещаешь и солжешь...
Озорница, может, все ж
В этот раз не подведешь,—
Сострадания прошу.

От меня получишь весть,
Окажи такую честь:
Дом мой прочим предпочесть
Я заранее прошу.

Соловей влюбленный мой,
Долго ль нам страдать с тобой?
В час весны над розой пой:
«О внимании прошу».

Ах, весне притти пора!
Милосердия пора,
Облегчи мне, будь добра,
Все страдания, прошу.

На несчастного взгляни,
Кто сказал: «Его казни»?
Благосклонно отмени
Наказание, прошу.

Муками! Когда-нибудь
Радостней задышит грудь.
Пери, счастье мне вернуть
С упованием прошу.

Я ВСПОМНИЛ

Лелея в сердце милый образ твой,
Всегда к тебе я улетаю мечтой.
Увидев в зеркале свой лик худой,
Терзания души своей я вспомнил.

Весна пришла, убрав цветами сад,
В зеленом бархате холмы стоят.
Вдыхая гиацинта аромат,
Душистый нард твоих кудрей я вспомнил.

Когда из милых рук я чашу пил,
Я мудрым был и сумасшедшим был.
Для стрел твоих я грудь свою открыл:
Твои ресницы—стрел острей— я вспомнил.

Бродя в степи, в пустыне без дорог,
Я отдыха не знал, я занемог,
Как срезанный кривым ножом цветок,
И лезвия твоих бровей я вспомнил.

Ты посрамила месяц в споре с ним,
Твоею легкой поступью томим,
Я бросить жизнь готов к ногам твоим,—
Прогулки госпожи моей я вспомнил.

Я самым был плохим из всех плохих,
Но сказанное тайно от других
Мне одному на празднествах твоих,—
Признание нежности твоей я вспомнил.

Ты, райская заря, меня пойми,
Верни мне дружбу, друга не томи.
Живет надежда в сердце Мукими,—
Он уверенья прежних дней припомнил.

Я ПОЗАБЫТ

Смеется надо мной судьба: я позабыт тобой!
Моя душа — тоски раба: я позабыт тобой!
Я на ногах держусь едва: я позабыт тобой!
Терзаюсь (это не слова): я позабыт тобой!
Повсюду обо мне молва: я позабыт тобой!

Идет пирушка у друзей, и слышен звон острот,
Один — плясун, другой — певец, а третий — стихо-
плет.

Здесь не ударят в грязь лицом, — искусный здесь
народ!

Но безответная любовь прости любимой шлет;
От горя никнет голова: я позабыт тобой!

Пора счастливая моя безмерно далека,
Моя судьба тогда была, как мед для языка.
Тогда я созерцал тебя, одетую в шелка.
Тебя я слушал, а сейчас владеет мной тоска.
Печаль достигла торжества: я позабыт тобой!

Я всей душою ликовал, я пел всем существом,
Тоски и горя я не знал,— я был с тобой вдвоем,
И взора я не закрывал, ты отражалась в нем.
Моим жилищем был цветник, и пел я соловьем.
Стал одиноким, как сова: я позабыт тобой!

Кому доверить тайну мне, где мне найти врача?
Я только сердце истерзал, его тебе вруча,
Но к сердцу твоему не мог я подобрать ключа,
Страдаю, мучаюсь, томлюсь, я таю, как свеча.
Любовь без меры такова: я позабыт тобой!

Мир стал темницей для меня, а был он так широк!
В глаза швырнул мне соли горсть мой беспощад-
ный рок,
И я ослеп, и милой нет, и жребий мой жесток. —
Размалывают мне костяк в мельчайший порошок
Судьбы тяжелой жернова: я позабыт тобой!

Все тернии и все шипы усыпали мой путь,
На все мученья обречен, я не могу вздохнуть.
Ты в книге скорби обо мне прочтешь когда-нибудь.
Я — Муками — прошу тебя: бесчувственной не
будь,—
В той книге каждая глава: „Я позабыт тобой“.

КТО СКАЖЕТ ОБО МНЕ

Незримой тени я бледней. Кто скажет обо мне?
Я растерял своих друзей. Кто скажет обо мне?
Я книгу написал о ней. Кто скажет обо мне?
Я тысячи терзаюсь дней. Кто скажет обо мне?
Надменной госпоже моей кто скажет обо мне?

Нет радости без горьких слез и без разлуки
встреч,
И трудно о шипах забыть, когда о розах речь.
Мы палачи своих сердец, но, лишь увидим печь,
Жар загрести чужой спешим, чтоб хлеб себе
испечь.
Так кто же, кто же из людей расскажет обо мне?

Ее уста меня влекут сильнее, чем анаша,
Она, как птица райских стран, умна и хороша.
Я мелких счетов не люблю, к ним не лежит душа,
Меня поймет, кто сам горел, огнем любви дыша,
Никто, не ведавший страстей, не скажет обо мне.

К любимой я дорог искал, но не нашел дорог.
Где сила прежняя моя? Я стал—как волосок.
Для знатных, а не для меня открыт ее чертог,
Как будто знать одну любить она дала зарок,
Но кто из ханов и князей расскажет обо мне?

Где воротник, а где подол, Меджнун не разберет.
Он светом называет мрак и мраком свет зовет.
Люблю—и думать не хочу о тысячах невзгод.
Я и на плахе не солгу,—меч надо мной сверкнет,—
Спрошу я даже палачей: „Кто скажет обо мне?“

О ней мечтает Муками и днем, и в час ночной.
Себя терзает Муками и днем, и в час ночной.
Огонь снедает Муками и днем, и в час ночной.
Провозглашает Муками и днем, и в час ночной:
„Моя любовь вина пьяней, кто скажет обо мне?“

МНЕ ЛЕКАРСТВА НЕ ПОМОГУТ

Мне лекарства не помогут: сердцем занемог.—

Беда!

Янтаря я стал желтее, высох и поблек.— Беда!

• Неудачи радость гнали от моих дорог.— Беда!

Посторонние не спросят, чем грозит мне рок.—

Беда!

Домочадцы не узнают, почему я слег.— Беда!

Сатана меня опутал, тяжело мне от цепей,

Об имуществе забочусь, а не о душе своей,

Пил и ел я безрассудно, стал невольником страстей.

Вырос из зерна стремлений безнадежности репей.

Ничего я не добился, жизнь свою прожег.— Беда!

Умирая, расстается с полным сундуком богач.

Слеп от жадности, не видит ничего кругом богач.

Жил бесчувственный, бездушный, жесткий ско-
пидом богач.

Был начальником—стал пылью. Говорят о нем:

„Богач
Никому добра не сделал, — толстый кошелек —
беда!“

Не нашел себе я друга, чтоб делиться горем с
ним.

Не нашел подруги нежной, — я люблю, но не лю-
бим.

Человека понимая, не сошелся ни с одним.

Если пиршество без милой, мы на пиршестве
грустим,

Праздник нам—не в праздник, темен светлый нам
чертог.—Беда!

К сожаленью, поседел я, стал кривым мой стан,—
пора!

К сожаленью, срок подходит и сигнал мне дан:
пора!

К сожаленью, различаю смерти барабан: пора!

К сожаленью, с грузом скудным выйдет караван,—
пора!

Но никто собрать в дорогу путника не смог.—
Беда

Ты зажги, любовь, мне сердце, чтобы вечно я
пылал!

Я лицо себе ногтями исцарапал, изодрал.

Кровью жаркою рыдаю, каждая слезинка — лал,
От кровавых слез халат мой темнокрасной розой
стал.
Может быть, омоет душу слез моих поток.—Беда!

Отбываю, уезжаю, таю свечкою в руке.
Кто спасет меня, не знаю. Стон мой (плачу я в
тоске)
Колокольчиком верблюжьим замирает вдалеке.
Скажут: „Муками не любит, хоть любовь на
языке“.
Любит он, пылает страстью, будто голубок.—Беда!

ПУСТЬ ТЮЛЬПАН НЕ УВЯДАЕТ

Пусть тюльпан не увядает, не страдает никогда!
Пусть струна во время пира не смолкает никогда!
Пусть монах своей святыни не теряет никогда!
Пусть никто вдали от милой не пылает никогда!
Пусть подобно мне влюбленный не рыдает никогда!

Чистая любовь—святыня, низменная страсть — по-
рок.
Родословную любимой я умом постичь не мог,—
Женщина она простая иль божественный цветок?
Ради милой дом свой бросил, всем достатком
пренебрег.
Пусть никто родного дома не бросает никогда!

Стал я горбуном от горя, тенью стал, и пешеход
Попирает тень усердно, — мне забыться не дает.
Стал я фонарем волшебным: мысль за мыслью
вслед плывет,—

Как туманные картины. То осенних туч полет.
Пусть мой соловей певучий их не знает никогда!
Вестник! Ей добра желаю—ты бесценной передай!
Яд любви благословляю—ей смиренно передай!
Сердце горестное стало птицей пленной—передай!
Наши души вместе слиты—непреренно передай!
Пусть никто в огне разлуки не сгорает никогда!

Я горю, я умираю, жаловаться мне кому?
Я в твоей жестокой власти, — жаловаться мне
кому?
Мне какие скажут власти—жаловаться мне кому?
Рвет разлука грудь на части, — жаловаться мне
кому?
Пусть мой враг подобной муки не узнает никогда!

Милая меня не слышит. Испытанья нет трудней!
Утро встречи не приходит, ночь разлуки все тем-
ней!

Утешенья не находит Мукими и у друзей.
Пусть никто нигде не будет мучиться так много
дней!
Пусть никто о днях счастливых не вздыхает ни-
когда!

М О Я К Р А С А В И Ц А

(Мухаммас на газель Навои)

Жемчуг гордости рассыпать ты боишься не к
добру.
На себя твой взор обидеть смелости я не беру.
Но спешу в твой переулок, вставши рано поутру.
У твоей ограды милой плачу в холод и в жару.
Может, пред твоим жилищем я от стрел-ресниц
умру.

Я томлюсь в тюрьме разлуки, и тюремщица—
любовь.
Облачком в высоком небе вздох мой вьется вновь
и вновь.
В долг берет тюльпан апрельский ран моих гу-
стую кровь.
Рань меня, миллионы лезвий, тучи дротиков
готовь,—
Может, выпив чашу встречи, кровь с груди своей
сотру.

Пред твоим закрытым домом распростерт я—наг
и бос.

Землю я твою целую, ту, что слаще нежных роз.
Ту, что щедро обливаю ливнями кровавых слез.
Замеси мою кровью пред своим жилищем лёсс,—
Может, для своей собаки, злая, слепишь конуру.

Я, пока любви не ведал, жил беспечным, моло-
дым.

Полюбил и угасаю, стал согбенным и седым.
Горе! Горе! Что творится с сердцем раненым моим!
Огорченный—погибаю, гордой госпожой гоним.
Может, бедняка жалея, эту прекратишь игру.

Музыкант, играй другое! Сердце мукою полно.
Жаждет пламенных мелодий, как взаимности, оно.
Сердце Муками рыдает ночью темной не одно,—
Навои всю ночь от горя пьет стаканами вино.
Может, музыкант, о счастье мне сыграешь на
пиру.

Т В О Е П И С Ь М О

(Мухаммас на гезель Навои)

Когда б не приходила ты (ах, где же, где твое
письмо)?
Улыбки не дарила ты. Ах, где же, где твое письмо?
Забыла о чернилах ты. Ах, где же, где твое
письмо?
Перо свое забыла ты. Ах, где же, где твое письмо?
Не шлешь записки милой ты. Ах, где же, где
твое письмо?

Такому верному рабу не пишешь. Ждет,—все
нет письма!
Ты не жалеешь бедняка. Он слезы льет,—все
нет письма!
Дождется ль сердце, наконец, твоих щедрот?—Все
нет письма.
Когда печальная душа мир обретет?—Все нет
письма.
Письмом не исцелила ты. Ах, где же, где твое
письмо?

Твои уста—как сахар, мед—твое дыханье, говорят,
И брови и глаза твои—очарованье, говорят,
Мне о свиданье говорят, мне о страданье гово-
рят...

Язык мой нем, не говорит,—мои желанья говорят:
„Бумагу позабыла ты.—Ах, где же, где твое
письмо?“

В разлуке, милая, с тобой мне тяжелей день ото
дня—

На ране рана у меня, на язве язва у меня.
Где ж милости твоей бальзам, вниманья твоего
броня?

Ах, что ты сделала со мной: строки на лист не
оброня,
Дом сердца разорила мой.—Ах, где же, где твое
письмо?

О мой прекрасный кипарис, когда напишешь
мне—ответь.

Терпеть согласен Муками, хоть надо мужество
иметь

Все притеснения твои, твою безжалостность тер-
петь.

Спасибо другу—Навои, согласен он любить и
впредь,

Хотя б и не любила ты. Ах, где же, где твое
письмо?

ЕЩЕ НИКТО

Я люблю. Такой любовью не хворал еще никто.
Скрыть не в силах—так от страсти не сгорал
еще никто.

Так томленьем, так забвеньем не карал еще ни-
кто.

Стана гибкого такого не видал еще никто.

Из-за глаз таких прекрасных не рыдал еще никто.

Ты прогулку совершала утром, до начала дня.

Цветники тебя встречали, чашечки цветов склоня.

Ты направила вдоль лилий быстроты своей коня.

Роза ворот разорвала и сказала: „Для меня

Это—стыд,—лица нежнее не знавал еще никто“.

После слов твоих не сладким—горьким кажется
шербет.

После губ твоих не яркок—красной розы бледен
цвет.

После глаз твоих туманен и луны и солнца свет,

В царстве красоты прекрасней пери не было и
нет.

Утоленья, исцеленья так не звал еще никто.

Пред тобою кипарисы пусть засохнут от стыда,
Стройностью своей великой не гордятся никогда.
Пред тобою гиацинты пусть исчезнут без следа,
Пред тобою пусть не будет роза красотой горда.
Так, как ты меня терзаешь, не терзал еще никто.

Умираю—не приходишь, отвечаешь: „ничего!“

Я молюсь тебе,—не слышишь, повторяешь: „ни-
чего!“

Ах, такой легко живется. Подтверждаешь: „ниче-
го!“

Кровь мне сердце заливает. Знать не знаешь
ничего.

Так небрежно сердцем друга не играл еще никто.

Постоянно ты с другими на пирушках, на пирах,—
Я от ревности сгораю, сердце—пепел, сердце—
прах!

Как Меджнун, от двери к двери я бегу с моль-
бой в глазах.

Видишь, стал я сумасшедшим, разум мой в твоих
руках.

Так давно такой любовью не пылал еще никто.

Чем я заслужил немилость?! Зная, что я жить не
рад,
келье нищего безумца подари единый взгляд!

На тебя всю ночь тебе же эти жалобы летят,
А глаза мои до боли в сторону твою глядят.
О холодности подобной не слышал еще никто!

Мне уста твои солгали. „Милый“,—говорила ты.
Мы с тобою не молчали: „Милый“,—говорила ты.
„Собеседник мой“,—вначале—„милый“,—говорила ты.
„Верный друг моей печали, — „милый“,—говорила ты.
Так нещадно, так жестоко, так не лгал еще никто.

Нет страшней моей юдоли, я страдаю—Мукими.
Нет печальней в мире доли—я страдаю—Мукими.
У любви вся жизнь в неволе—я страдаю—Муки-
ми,

Долго так не оттого ли я страдаю—Мукими.
Так на улице безумных не страдал еще никто.

ПРИХОДИ

Свет для меня стал тьмою!—Скорее приходи!
Чтоб не был мир тюрьмою, скорее приходи!
Дорогою прямою скорее приходи!
Дорогу пред тобою—скорее приходи—
Слезами я омою. Скорее приходи!

К другим ты благосклонна—о, как несчастен я!
Я все терплю влюбленно, о, как несчастен я!
Мечом бровей казненный, о, как несчастен я!
Твержу неугомонно: „О, как несчастен я!“
Слез от тебя не скрою, скорее приходи!

Пусть вспыхнет в келье скорби луч солнца
твоего!

Где клятва, обещаья?—Не помнишь ничего.
Везде твоих насмешек и козней торжество.
Не я один страдаю. Мой друг и божество
Живое, молодое, скорее приходи!

Нет ни в одном улусе красавицы нежней.
Красавицы другие—служанки перед ней.
Лишь взглянешь—сердце ранишь,—нет стрел
твоих острей.

Раб не один томился в плену твоих кудрей.
Не будь коварной, злою,—скорее приходи!

По имени бы лучше тебя не называть.
Твою походку б лучше вовеки не видать.
Почаще бы известья о милой получать.
Скажи, всех златоустов заставив замолчать:
„Свиданья удостою“.—Скорее приходи!

Красавица красавиц, садов блаженства цвет,
У Муками есть сердце, других сокровищ нет.
Тебе он отдал сердце. Готов он много лет
Прославленное имя твое, как амулет,
Носить в стихах с собою.—Скорее приходи!

О Ф А Р И Н

Ты павой выступаешь, и сердцу хорошо.
Меня ты убиваешь, а сердцу хорошо.
Ты кубок предлагаешь, и сердцу хорошо.
Любить пообещаешь, и сердцу хорошо.
И ждешь, и ожидаешь, и сердцу хорошо.

Мир никогда не видел красавицы такой,
Такой прекрасной розы не знал он ни одной.
Взглянула, и влюбленный сражен твоей стрелой.
Сказала слово,—жемчуг рассыпался живой.
Ты сердце приласкаешь, и сердцу хорошо.

Я на твоей дороге—раздавленный пони,
От просьб и уверений мой онемел язык.
Была гора терпенья, остался золотник,
И стан мой искривился, и пожелтел мой лик,—
Ты знать о том не знаешь, а сердцу хорошо.

В разлуке погибаю, вздыхаю: Офарин!
Перо из рук роняю, страдаю, Офарин!
Я—Мукими влюбленный—взываю: Офарин!
Тебе, навеки верный, рыдаю: Офарин!
Ты сердце угнетаешь, но сердцу хорошо.

ПРОШЕНИЕ ХАНУ ОТ ЖИТЕЛЕЙ
СЕЛЕНИЯ ХАФАЛАК

(Мухаммас на газель Махмура)

Ханов хан, владык владыка, справедлив твой
каждый шаг.

Месяц в небе—лук твой верный, полон стрел
твой сагайдак.

Ты к деревьям бессловесным, а не только к
людям благ,—

О звезда эпохи нашей, побеждающая мрак,
Благосклонное вниманье обрати на Хафалак!

Саранча кишлак объела, в кишлаке гнездовья
змей,

• Прямо посреди кибитки кучу строит муравей.
В Хафалаке клещ завелся, пожирающий людей.
Захватил шайтан деревню, измывается над ней:
Селезень стал стрекозою, вялой бабочкой гусак.

В кишлаке, как совы дупла, хижины и шалаша.
В норах темных обитают ящерицы да ежи.

Волка встретишь там, не встретив человеческой души.
За огнем пойдешь к соседу, двое суток путь держи.
Тут шалаш, а там землянка—так разбросан твой кишлак.

Люди там едят колючку, от которой мрет верблюд,
Кукурузную лепешку ханским пиром там зовут,
Постный суп из тыквы лучше хафалакцам прочих блюд,
Хафалакцы, голодая, в ступах корни трав толкут
И едят их ежедневно, говоря „наш сумалак!“

Лошади у них—калеки, пожалеть бы надо кляч,
А безумцы эти гонят лошадей несчастных вскачь.
Трет песком юнец безусый и почтенный бородач
(Там безводная пустыня, положение—хоть плачь)
И лицо себе, и руки, умываясь только так.

Острая осока служит ложем этим беднякам,
Женщины, мужчины вместе спят, забыв, что это срам.
Их суфи мычать лишь может, и не знает букв имам.
Их мечеть—нора глухая. Нетопырь летает там:
Заеваешься—подарит он твоей скуле синяк.

Наготу тряпьем прикрывши, хафалакцы без дорог
Бросились бежать на запад, побежали на восток.

Горько плакали, рыдали: новый заведен налог.
Хафалак однажды утром упорхнул, как мотылек:
Новой подати огромной не внести ему никак.

Ханов хан, владык владыка, самый мудрый из
владык,
Снисходить к народным нуждам, справедливый,
ты, привык.

Знает Мукими, —налога не возьмешь ты
с горемык...

Не возьмешь с людей налога, как бы ни был он
велик.

Я, Махмур, уверен в этом —пожалеешь ты
бедняг.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗЕМЛЕМЕРЫ

Я сам—Ходжа, Шахлик-Мазар—мой дед...—Али-Ходжа и Хакимджан—танапчи-землемеры. Один из них, чтобы произвести большее впечатление на слушателей и запугать их, называет себя ходжой—потомком первых трех преемников пророка Мухаммеда и перечисляет в качестве своих родственников ряд мусульманских святых, чьи имена приводятся в стихотворении. Увлеченный собственным красноречием, землемер включает в число своих родных даже Шахлик-Мазар, то есть Шахлик-могилу.

ТОЙ

Купец ташкентский телеграмму шлет приказчику в Икан...—У крупных купцов были приказчики (гумашта), которые вели самостоятельную торговлю на капитал, взятый у хозяина-купца, получавшего часть прибыли. Гумашта находилась едва ли не в полной зависимости от своих патронов, вмешивавшихся даже, как это показано в стихотворении, в частную жизнь гумашта.

СЫН ГРЕХА

Пену ночью в пост распродаёт...—Имеется в виду „руза“—мусульманский пост месяца рамазан, продолжающийся

в течение всего девятого месяца мусульманского календаря. Во время поста, после строгого воздержания от пищи, питья и курения в течение всего дня, разрешалось пить, есть и развлекаться лишь в ночное время.

ПУТЕВЫЕ ЗАРИСОВКИ

В этих четверостишиях Муками описывает кишлаки Ферганской долины и соседних с нею районов; названия кишлаков в тексте выделены. Из Коканда в разные стороны вело несколько колесных дорог, переходивших в дороги вьючные.

ТЕБЯ Б НЕ ВИДЕТЬ ЛУЧШЕ

Студент тебя попросит преподавать любовь...—Студент—слушатель медресе.

Я ДАЛЕКО

Очень популярная в Узбекистане песня.

ПРОШЕНИЕ ХАНУ ОТ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЕНИЯ ХАФАЛАК

Это стихотворение, написанное пятистишиями (мухамас),—вариация на газель поэта Махмура, писавшего о тяжелой участи крестьянства.

Хафалак—селение в Ферганской долине.

СЛОВАРЬ

- Аксакал** — буквально: „белобородый“, сельский староста, старшина.
- Анаша** — наркотик.
- Анка́** — сказочная птица.
- Арык** — оросительный канал
- Арба** — двухколесная телега, с высокими колесами.
- Ахунд** — духовное лицо у мусульман.
- Базилик, райхон** — благовонная трава. В поэзии с базиликом обычно сравнивается нежный пушок на лице.
- Бай** — богатей, богач.
- Будкабаши** — начальник караульной службы.
- Газель** — стихотворение, состоящее из двустихий, в которых рифмуются первая и все четные строки.
- Даллол** — маклер, посредник.
- Дервиш** — странствующий монах, аскет.
- Дехканин** — крестьянин.
- Завки** — поэт-демократ (1853—1921), современник Мукими.
- Исфара** — крупный торговый центр, лежащий в долине реки Исфары (ныне — районный центр Ленинабадской области Таджикской ССР).
- Ишан** — духовное лицо.
- Кази (казий)** — судья, занимающийся разбором судебных дел по шариату.
- Кишлак** — селение.
- Кукнар** — наркотик, приготовляемый из коробочек мака.

Лал — драгоценный камень красного цвета, рубин.

Лейли — см. Меджнун.

Майдан — площадь.

Мардикор — батрак, подёнщик.

Махмур — узбекский поэт конца XVIII и первой половины XIX века.

Меджнун — герой восточных сказаний и поэм, обезумевший из-за несчастной любви к Лейли.

Медресе — высшая мусульманская духовная школа.

Мингбаши — волостной управитель, буквально: „тысяцкий“

Михраб — ниша в мечети, обращенная в сторону Мекки. Верхняя часть михраба дугообразна, что позволяло поэтам сравнивать с михрабом брови красавицы.

Муддарис — преподаватель медресе.

Мулла — мусульманский священник.

Мухаммас — пятистишия.

Мюрид — последователь, ученик шейха.

Назр — приношение по обету.

Нард — душистое растение.

Нишалда — взбитые на сахаре яичные белки.

Офарин — имя девушки.

Пери — фея, прекрасная волшебница восточной мифологии.

Саям — пирвет.

Сумалак — кисель из пшеничного солода.

Суфий — человек, исповедующий мистическое учение суфизма.

Танаб — веревка, а также мера земельной площади.

Танапчи — землемер.

Тенга — мелкая монета.

Той — празднество, угощение, пир.

Токкуз — буквально. „девять“. Здесь — угощение: на поднос кладут девять родов угощения.

Урда — первоначально — ханская ставка; центр города, киш-лака.

Фарзинча — кокандский певец и музыкант, современник Мукими.

Хаджи — лицо, совершившее паломничество в Мекку.
Хазрат — титул высокопоставленных лиц, главным образом, из духовенства.
Хум — огромный глиняный кувшин для хранения продуктов.
Худоярхан — кокандский хан (II половина XIX в.).

Шайган — дьявол, чорт.

Янтак — колючее растение.

СОДЕРЖАНИЕ

Мукими. А. Алимджанов. 7

I. Сатира и юмор

Землемеры. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	17
Новоявленный бай. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	20
Вексель. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	23
Той. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	25
Сатира на Виктора. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	30
Сын греха. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	32
Святой. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	35
Бродячий музыкант. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	37
Конь. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	39
Твоя арба. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	42
Случай с одноглазым Ашурбаем Хаджи. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	44
Мингбаши. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	47
Жалобы на лихорадку. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	48
Грязь. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	50

II. Путевые зарисовки

От Коканда до Шахимардана. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	55
От Коканда до Ферганы. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	59
От Коканда до Исфары. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	62

Газели

Ранняя весна. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	69
Моя судьба. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	70
Я разум потерял. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	71
Влюбленный в тебя. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	73
Умираю от любви. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	74
Не понравится. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	75
Прогулка в саду. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	76
Твои глаза. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	77
И ты... Перевел <i>Н. Ушаков</i>	79
Пришел... Перевел <i>Н. Ушаков</i>	80
Справьтесь. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	82
Ты, роза, — красота сама. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	84
Тебя б не видеть лучше. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	86
Не только я один. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	87
Мой цветник. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	88
Милая. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	89
А ты ушла. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	90
Меня найдете вы... Перевел <i>Н. Ушаков</i>	92

Четверостишия

Я далеко. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	95
Пери, ты лицом светла. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	97
Я вспомнил. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	99

Мухаммасы

Я позабыт. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	103
Кто скажет обо мне. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	105
Мне лекарства не помогут. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	107
Пусть тюльпан не увядает. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	110
Моя красавица. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	112
Твое письмо. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	114

Еще никто. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	116
Приходи. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	119
Офарин. Перевел <i>Н. Ушаков</i>	121
Прошение хану от жителей селения Хафалак	123
Примечания	
Словарь	

Ответственный редактор С. М. Лиходзиевский
Художник А. К. Ошейко
Технический редактор З. И. Сорокина

* * *

P06895. Подписано к печати 8/VIII-51 г.
Бумага $70 \times 108 \frac{1}{32}$ —2,125 бумажных
5,823 печатных листа. Уч.-издат. 5,95.
Тираж 5000. Цена 6 руб.
Переплет 1 руб. 50 коп.

* *

Типография Издательства Академии Наук УзССР.
Заказ № 1067. Ташкент. 1951 г.

*